

**«НА ВАС ВЕСЬ ПИТЕРБУРХ ВСТАНЕТ...»:
В. И. ИВАНОВ И В. Г. ЯЗЫКОВ**

1723 года декабря 9 дня в городе Санкт-Петербурге император Петр Великий посетил заседание Вышнего суда — учрежденного менее года назад высшего судебного органа империи. В чередке иных неотложных вопросов главе государства была доложена просьба бывшего следователя гвардии подпоручика В. Г. Языкова, содержавшегося под стражей при Военной коллегии. Василий Языков настаивал на личной встрече с императором, обещая предоставить секретные сведения, изобличавшие бывшего главу фискальской службы России А. Я. Нестерова, дело по обвинению которого расследовала Розыскная контора Вышнего суда.

Адресованный подпоручику Василию Григорьевичу ответ Петра Великого, зафиксированный секретарем суда, был, однако, сколь лаконичным, столь и обескураживающим: «Отвечать в своих делах»⁷³⁶. Кто же такой был гвардии подпоручик Василий Языков? Отчего государь отказался от встречи с ним? И что это были за преступления, за которые ему предстояло «отвечать»?

На сегодняшний день о жизни В. Г. Языкова известно совсем немного. Не случайно единственная опубликованная биографическая справка о нем составляет неполных семь строк⁷³⁷. Из раннего периода жизни Василия Григорьевича довелось единственно установить, что происходил он из дворян⁷³⁸ (или, как писали в документах первой половины XVIII века, «из шляхетства»).

Фамилия Языковых являлась весьма разветвленной: достаточно сказать, что в XVII веке только в рядах «царедворцев» насчитывалось 48 (!) ее представителей⁷³⁹. При этом трое из Языковых, ставших «царедворцами» в последней трети века, носили имя Григорий⁷⁴⁰. Являлся ли кто-то из них отцом В. Г. Языкова, осталось неясным, но сам он в «царедворцы» так и не попал⁷⁴¹.

Ни времени, ни места рождения Василия Языкова установить к настоящему времени не удалось. Первые выявленные сведения о нем относятся к самому концу XVII века.

Согласно архивному документу, в 1699 году Василий Григорьевич был зачислен солдатом в гвардии Преображенский полк, причем сразу в бомбардирскую роту⁷⁴², ко-

мандиром которой в то время числился царь Петр Алексеевич (в полковых документах он фигурировал как «капитан Петр Михайлов»). Каких-либо подробностей о боевой службе В. Г. Языкова выявить к настоящему времени также не удалось. Представляется возможным лишь с уверенностью предположить, что он являлся участником основных кампаний Великой Северной войны и, вероятно, Прутского похода 1711 года.

Военная карьера Василия Григорьевича сложилась далеко не блестяще. В «солдатстве» он провел полтора десятилетия и только в октябре 1714 года был произведен из бомбардиров в гвардии подпоручики⁷⁴³ (судя по всему, миновав первый офицерский чин прапорщика).

Поворот в жизни Василия Григорьевича произошел в марте 1718 года: он был определен ассессором в следственную канцелярию полковника Г. И. Кошелева, из руководящего состава которой месяцем ранее выбыл дьяк Ф. Д. Воронов, арестованный (а затем казненный) по фальсифицированному обвинению в государственном преступлении.

Одновременно с Василием Языковым на должность ассессора канцелярии был назначен подпоручик гвардии Семеновского полка Василий Иванович Иванов. Формально к исполнению следственных обязанностей оба приступили согласно распоряжению Герасима Кошелева от 6 марта 1718 года⁷⁴⁴.

О В. И. Иванове известно на сегодня еще меньше, чем о В. Г. Языкове. Судя по тому, что на всем протяжении их последующих взаимных отношений в канцелярии Языков выступал в роли старшего*, Иванов был моложе его по возрасту и имел более скромный стаж боевой службы. Неформальная руководящая роль Василия Языкова не поколебалась даже после того, как Василий Иванов в 1719 году был произведен в гвардии поручики.

Будучи ассессорами следственной канцелярии, В. И. Иванов и В. Г. Языков оказались включены в состав специального судебного присутствия, учрежденного для рассмотрения дела царевича Алексея. Подпись В. Г. Языкова стоит на приговоре 93-й, В. И. Иванова — 110-й по счету (он же расписался за неграмотного гвардии подпоручика Василия Коростелева).

* Во всех документах, подписанных совместно В. И. Ивановым и В. Г. Языковым, подпись Василия Григорьевича неизменно стоит первой. Для того времени это безусловный показатель старшинства.

В 1718 году в производстве следственной канцелярии Герасима Кошелева находилась подборка резонансных, по современной терминологии, уголовных дел по должностным и экономическим преступлениям, возбужденных главным образом фискальской службой России. Особое место в производстве канцелярии занимали дела по обвинению бывшего архангелогородского вице-губернатора А. А. Курбатова, братьев Соловьевых, дьяка П. К. Скурихина и комиссара П. И. Власова. По состоянию на март 1719 года под следствием канцелярии находился 51 человек, 12 из которых содержались под стражей, остальные — под подпиской о невыезде⁷⁴⁵.

На протяжении 1718—1719 годов В. И. Иванову и В. Г. Языкову нередко приходилось работать без руководителя («презуса»): обремененный многими параллельными служебными обязанностями Герасим Кошелев часто и подолгу отсутствовал в канцелярии. Не особенно часто бывал в канцелярии и ее новый глава — гвардии майор М. А. Матюшкин, назначенный Петром I на место Герасима Кошелева 10 апреля 1719 года. Несмотря на свой более чем скромный служебный статус, ассессоры Василий Иванов и Василий Языков порой докладывали о делах следственной канцелярии самому главе государства, самостоятельно оформляя затем устные распоряжения царя по вопросам ее деятельности⁷⁴⁶.

В подобных условиях, привыкнув к независимости (и, судя по всему, «сработавшись» друг с другом), Василий Иванович и Василий Григорьевич стали чем дальше, тем больше испытывать недовольство ходом расследования ряда уголовных дел, в первую очередь — братьев Соловьевых, а также П. К. Скурихина и П. И. Власова. Не найдя поддержки у непосредственного руководителя М. А. Матюшкина, Иванов и Языков решились на неординарный шаг — доложить о не порядках в следственной канцелярии Петру I. В истории следственных канцелярий первой четверти XVIII века это был единственный случай, когда ассессоры предприняли подобный демарш в обход презуса.

Но В. И. Иванов и В. Г. Языков не просто взяли пожаловаться государю, что «по канцелярии нашей в делах остановка и винным закрывательство». На трех листах доношения, подготовленного в августе или начале сентября 1720 года⁷⁴⁷, они рискнули поднять вопрос о механизме торможения резонансных уголовных дел, в связи с чем высказали подозрения в отношении нескольких весьма вли-

ятельных должностных лиц, привели эпизоды очевидного покровительства ряду подследственных со стороны руководителей следственных канцелярий М. А. Матюшкина и генерал-майора и гвардии майора князя Г. Д. Юсупова, а также многолетнего помощника Петра I кабинет-секретаря А. В. Макарова.

Высказывание недвусмысленных подозрений в адрес Михаила Матюшкина и Григория Юсупова означало конфликт В. И. Иванова и В. Г. Языкова как с командованием гвардейских полков, в штате которых они продолжали состоять, так и с руководством Военной коллегии.

Что касается Алексея Макарова, то именно через него главе государства поступал основной объем документации. В первой половине 1720-х годов кабинет-секретарь, имевший наиболее свободный доступ к Петру I, превратился в одну из ключевых фигур в руководстве страны⁷⁴⁸.

В подобном контексте не приходится удивляться, что доношение Василия Иванова и Василия Языкова завершалось примечательным свидетельством о том, как Г. Д. Юсупов, «устрашивая нас, говорил... что де на вас весь Питербурх встанет»⁷⁴⁹. Дальнейшие события в полной мере подтвердили правоту искушенного в столичных «конъюнктурах» князя Григория Дмитриевича.

Первая проблема у В. И. Иванова и В. Г. Языкова возникла с подачей доношения. Несмотря на то что оба гвардейца были лично известны главе государства (7 июня 1720 года Петр I даже крестил у Василия Языкова сына⁷⁵⁰), добиться встречи с царем было нелегко. Кто-то из асессоров долго носил доношение при себе*, пока его не удалось вручить в руки государю 25 сентября 1720 года в Санкт-Петербурге в частном доме⁷⁵¹. С этого момента для асессоров-правдоискателей Василия Иванова и Василия Языкова наступила полоса злключения.

Уже 27 сентября Петр I указал отстранить В. И. Иванова и В. Г. Языкова от должностей асессоров следственной канцелярии и отдать их под следствие⁷⁵². Основанием для указа послужило доношение с обвинениями асессоров в должностных преступлениях, которое представил глава

* Осмотр подлинника документа показал, что изначально он был сложен вчетверо. Заметная потертость листов по вертикальным сгибам свидетельствует о том, что документ длительное время хранился в плотно сложенном виде — вероятно, в кармане мундира или в полевой сумке.

фискальской службы России обер-фискал А. Я. Нестеров, а также некое доношение, которое подал дьяк следственной канцелярии Михаила Матюшкина И. В. Ангелов (Иван Васильев)⁷⁵³, вступивший к тому времени в прямой конфликт с Ивановым и Языковым.

Странность в данном случае заключалась в том, что, как явствует из архивного документа, Алексей Нестеров направил доношение главе государства с сопроводительным письмом на имя А. В. Макарова еще 13 сентября⁷⁵⁴. Учитывая, что правительственные документы передавались внутри Санкт-Петербурга в течение дня и что Петр I имел обыкновение незамедлительно реагировать на поступавшую к нему информацию фискальской службы, возможно с уверенностью предположить, что если бы доношение обер-фискала было доложено Алексеем Макаровым сразу же, то царь никак не стал бы выжидать две недели, чтобы отстранить ассессоров от должности (хотя бы на время проведения служебной проверки). Следовательно, кабинет-секретарь предпочел «придержать» доношение А. Я. Нестерова у себя. По всей очевидности, не предполагая, что документ пригодится так скоро.

Доношение Алексея Нестерова содержало 18 пунктов обвинений против В. И. Иванова и В. Г. Языкова⁷⁵⁵. Глава фискальской службы инкриминировал ассессорам превышение должностных полномочий, злоупотребление должностными полномочиями, халатность, служебный подлог и получение взяток. Десять пунктов доношения касались эпизодов якобы преступных связей Василия Ивановича и Василия Григорьевича с московским фискалом Михаилом Косым, добивавшимся отстранения А. Я. Нестерова от должности.

Далее интрига с В. И. Ивановым и В. Г. Языковым несколько застопорилась, хотя в неустановленный момент они были арестованы. Лишь 13 декабря 1720 года гвардии подполковник И. И. Бутурлин объявил царский указ немедленно расследовать дело по обвинению Василия Иванова и Василия Языкова в Военной коллегии⁷⁵⁶.

Примечательно, однако, что десятью днями ранее, 3 декабря, Петр I распорядился изъять из производства канцелярии М. А. Матюшкина уголовное дело по обвинению Петра Власова и Петра Скурихина (одно из тех, о затягивании расследования которых писали опальные ассессоры) и передать его в специально учрежденную следственную канцелярию подполковника Ивана Бутурлина⁷⁵⁷. По всей оче-

видности, в тот момент глава государства испытывал еще какие-то колебания как по поводу обоснованности обвинений, выдвинутых в отношении Василия Иванова и Василия Языкова, так и по поводу справедливости их доношения о непорядках в канцелярии. Как бы то ни было, по воле государя в декабре 1720 года бывшие ассессоры оказались в статусе подследственных.

24 декабря Военная коллегия вынесла решение учредить для разбирательства дела В. И. Иванова и В. Г. Языкова следственную канцелярию во главе с комендантом Петропавловской крепости полковником Я. Х. Бахмеотовым. Первый допрос Иванова и Языкова состоялся 17 января 1721 года. Для начала подследственных спросили, не желают ли они ходатайствовать об отводе кого-либо из состава следственной канцелярии.

В ответ они письменно заявили об отказе отвечать на вопросы, поскольку подали доношение самому царю и ожидают его решения по делу. Василий Языков, впрочем, все же высказал мотивированный отвод Якову Бахмеотову и двум ассессорам канцелярии⁷⁵⁸. Отказ давать показания Василий Иванович и Василий Григорьевич подтвердили, будучи вызваны 31 января к самому президенту Военной коллегии генерал-фельдмаршалу А. Д. Меншикову (за что были переведены на более строгий режим содержания под стражей)⁷⁵⁹.

В конце концов, был выработан компромисс. В феврале Военная коллегия сформировала следственную канцелярию нового состава, презусом которой стал полковой сослуживец Василия Языкова М. И. Бобрищев-Пушкин.

Как удалось установить, Михаил Бобрищев-Пушкин начал службу в 1704 году солдатом в 1-й роте Преображенского полка⁷⁶⁰. В мае 1714 года был произведен в капитан-поручики, а в ноябре 1718-го — в капитаны и назначен командиром 5-й роты полка⁷⁶¹.

14 марта 1721 года на заседании новой следственной канцелярии В. И. Иванов и В. Г. Языков заявили, что «как де с презусом, так и с ассессорами недружбы и подозрения на них не имеют» и готовы давать показания⁷⁶². Так начала работу канцелярия М. И. Бобрищева-Пушкина*. В ее ассессорский состав входили три офицера. Дольше всего асес-

* В документах канцелярия пространно именовалась «инквизицией, производящейся лейб-гвардии над афицеры лейтенантом Васильем Ивановым и ундер-лейтенантом Васильем Языковым».

сорами состояли капитан-поручик Семеновского полка С. А. Худошин и подпоручик того же полка А. Р. Сабуров. Кроме того, по просьбе Михаила Бобрищева-Пушкина к канцелярии прикомандировывались аудиторы*: сначала Федор Дурасов, а затем М. В. Ершов⁷⁶³.

Ознакомление с сохранившимися материалами уголовного дела оставляет впечатление, что М. И. Бобрищев-Пушкин старался вполне добросовестно выполнить возложенное на него следственное поручение. Он тщательно отыскивал улики, подтверждавшие выдвинутые против Василия Иванова и Василия Языкова обвинения, упорно добивался вызова необходимых свидетелей, проводил очные ставки. Если же учесть, что должность презуса Михаил Бобрищев-Пушкин совмещал с прежними обязанностями ротного командира⁷⁶⁴, а в 1721—1724 годах являлся еще и ассессором следственной канцелярии И. И. Бутурлина, то необходимо признать, что по делу В. И. Иванова и В. Г. Языкова он выполнил максимум возможных следственных действий.

Перелом в деле Василия Иванова и Василия Языкова мог бы наступить в конце 1722-го — начале 1723 года, когда развернулось масштабное следствие в отношении А. Я. Нестерова, обвиненного в совершении многочисленных преступлений против интересов службы. Воспользовавшись ситуацией, 14 января 1723 года М. И. Бобрищев-Пушкин допросил бывшего обер-фискала и потребовал предъявить доказательства в подтверждение его обвинений, выдвинутых против Василия Иванова и Василия Языкова в 1720 году. В ответ тот сослался на свое прежнее доношение, добавив, что «инога доказаня он... на них, Иванова и Языкова, не имеет»⁷⁶⁵.

Впрочем, прекращение уголовного преследования Иванова и Языкова никак не входило в планы их могущественных недоброжелателей. Именно поэтому не удалась попытка Василия Языкова добиться личной встречи с Петром I, о которой он начал просить в феврале 1723 года после обнародования указа с призывом к «всяких чинов людям» объявлять об «обидах» со стороны А. Я. Нестерова⁷⁶⁶. Импера-

* В отечественном военно-уголовном процессе XVIII века на аудитора возлагались разнородные, но весьма ответственные полномочия: он выступал в роли юрисконсульта, секретаря судебного заседания, участвовал в сборе доказательств на досудебной стадии, заверял обобщающие процессуальные документы, а также докладывал суду материалы дела.

тор отказался от встречи с бывшим следователем. Причем в резкой форме.

Новый поворот в деле В. И. Иванова и В. Г. Языкова мог бы наступить в связи с тяжелой болезнью и кончиной 28 января 1725 года Петра Великого, что повлекло за собой обнародование трех амнистиционных указов. Первый из них издал 27 января 1725 года Правительствующий сенат, «дабы Господь Бог даровал его величеству от скорби исцеление»⁷⁶⁷, второй — 30 января вступившая на престол императрица Екатерина I «для поминовения блаженныя и вечнодостоинныя памяти его императорского величества», третий — 14 февраля вновь Сенат⁷⁶⁸.

В этих указах предусматривалось освобождение от наказания всех осужденных военными и гражданскими судами за исключением тех, кто был изобличен в государственных преступлениях, умышленных убийствах и неоднократных разбоях. Поскольку В. И. Иванов и В. Г. Языков обвинялись в должностных преступлениях, их уголовное дело, исходя из смысла амнистиционных указов, могло быть прекращено. Этого, однако, не произошло.

Вместо этого в следственной канцелярии М. И. Бобрищева-Пушкина стали готовить по делу Василия Иванова и Василия Языкова «выписку» — обобщающий процессуальный документ, необходимый для передачи дела в суд. В «выписке» излагались основания для возбуждения уголовного дела, описывались предпринятые следственные действия и добытые доказательства. Подготовка «выписки», объем которой составил 63 листа⁷⁶⁹, была завершена к марту 1725 года. Из «выписки» явствует, что, несмотря на все предпринятые усилия, за четыре с лишним года следствию так и не удалось собрать никаких весомых доказательств вины В. И. Иванова и В. Г. Языкова. Обвиняемые изобличались по нескольким эпизодам лишь показаниями трех свидетелей (в первую очередь дьяка Ивана Ангелова), правдивость которых вызывала сомнения.

К примеру, исключительно на показаниях И. В. Ангелова строилось весьма серьезное обвинение В. И. Иванова и В. Г. Языкова в том, что они уничтожили («изодрали») подлинник ими же закрепленного именованного указа от 11 января 1719 года о прекращении следствия по делу братьев Соловьевых, не раз уже упоминавшегося на страницах этой книги. Наличие такого указа оба офицера отрицали⁷⁷⁰.

Между тем, как явствует из сохранившейся подборки наиболее важных документов канцелярии Г. И. Кошеле-

ва — М. А. Матюшкина, 11 января 1719 года действительно состоялся указ Петра I (закрепленный единолично Василием Ивановым), касающийся Д. А., О. А. и Ф. А. Соловьевых. Вот только речь в указе шла не о прекращении уголовного преследования троих братьев, а о конфискации их имущества⁷⁷¹.

Из той же подборки документов известно, что братья и после января 1719 года продолжали находиться под стражей. 19 мая 1719 года последовал именной указ, закрепленный уже М. А. Матюшкиным, о переводе Соловьевых в Петропавловскую крепость⁷⁷². Более того: в письме коменданту Я. Х. Бахмееву от 25 мая Михаил Матюшкин указал, чтобы Дмитрий, Осип и Федор Соловьевы содержались в строгой изоляции, исключающей их общение между собой⁷⁷³. Как-то не вяжется это с утверждением свидетеля И. В. Ангелова о царском повелении прекратить следствие по делу братьев.

Остается добавить, что упомянутая книга документации, несмотря на неоднократные запросы М. И. Бобрищева-Пушкина, так и не была ему предоставлена⁷⁷⁴. Впрочем, в контексте ситуации удивляться этому не приходится.

3 марта 1725 года Василий Иванов и Василий Языков были вызваны в следственную канцелярию, где им предложили ознакомиться с «выпиской». Вновь проявив строптивость, оба заявили, что «выписки» «им смотреть не для чего» и, сославшись на недавние амнистийные указы, потребовали освободить их из-под стражи⁷⁷⁵. Однако всего неделю спустя настрой одного из подследственных кардинально изменился.

11 марта 1725 года Василий Языков подал в следственную канцелярию собственноручно написанное заявление о признании всех выдвинутых против него обвинений. В этом документе (никак не озаглавленном, но далее в материалах дела обозначенном как «извинение») бывший следователь указал, что инкриминированные ему деяния («мое погрешение») были совершены «моим незнанием и безо всякой моей корысти». В заключительных строках «извинения» Василий Григорьевич «с прегорестными слезами» (!) обратился к императрице с просьбой о «милосерд[н]ом прощении»⁷⁷⁶.

Появление «извинения» было, несомненно, связано с психологическим давлением, которое на обвиняемых оказал или Михаил Бобрищев-Пушкин, или же Г. Д. Юсупов. Зачем потребовалось «извинение», не вполне ясно. Конеч-

но, следствию так и не удалось собрать по делу Василия Иванова и Василия Языкова полноценную доказательственную базу. Но ведь никакого независимого судебного разбирательства в данном случае заведомо не предполагалось, и заинтересованные лица могли не опасаться, что дело «рассыплется» в суде.

По всей очевидности, принуждение принести «извинение» имело целью морально сломить опальных гвардейцев, заставить их навсегда замолчать о своих подозрениях в отношении «господ вышних командиров». Однако кто бы ни занимался тогда «обработкой» подследственных и каковы бы ни были ее цели, гвардии поручик В. И. Иванов повел себя более стойко и никакой своей вины так и не признал.

Итоговым документом работы канцелярии гвардии капитана М. И. Бобрищева-Пушкина, подготовленным на основе «выписки», явился документ, по содержанию напоминающий современное обвинительное заключение⁷⁷⁷. Этот документ был 15 июня 1725 года подписан Михаилом Ивановичем, тремя ассессорами и обер-аудитором Михеем Ершовым.

Василию Иванову и Василию Языкову были в конечном счете инкриминированы четыре эпизода превышения должностных полномочий и служебных подлогов: самовольное осуществление расследования по нескольким уголовным делам, внесение задним числом поправки в одно из постановлений следственной канцелярии, самовольное наложение штрафов на подследственных, уничтожение мифического именного указа от 11 января 1719 года. В качестве пятого эпизода обвинения в документе фигурировал отказ гвардейцев давать показания на допросах в следственной канцелярии.

Вмененные Иванову и Языкову преступные деяния следственная канцелярия квалифицировала (стоит признать, с формально-юридической стороны вполне корректно) по статьям 27, 28, 35, 201 и 203-й Артикула воинского* и по Наказу «майорским» канцеляриям от 9 декабря 1717 года**. Констатировав, что «подлежали было они, Языков и Ива-

* Предусматривали ответственность за неисполнение приказа командира, служебный подлог и за умышленное уничтожение списков и экземпляров административных и законодательных актов.

** Предусматривал назначение презусу и ассессорам следственной канцелярии смертной казни за получение взятки и попустительство в отношении подследственных.

нов, смертной казни», канцелярия тут же выдвинула ходатайство о их помиловании — в силу упоминавшихся амнистических указов⁷⁷⁸. 16 июня 1725 года М. И. Бобринцев-Пушкин направил «выписку» и обвинительное заключение в Военную коллегия, предложив передать ей также и все остальные материалы дела, а его следственную канцелярию расформировать («о[б] увольнении нас к полкам указ учинить»)⁷⁷⁹.

Далее уголовное дело В. И. Иванова и В. Г. Языкова подлежало направлению в военный суд. Поскольку тогдашнее отечественное военное судоустройство зиждилось на принципе, что военнослужащего должны судить его сослуживцы, судебное присутствие для рассмотрения дела Василия Ивановича и Василия Григорьевича должно было быть сформировано из строевых офицеров гвардейских полков. Поскольку выбор судей зависел всецело от командования, ничто не мешало сформировать состав суда из числа «управляемых» офицеров, которые вынесли бы Иванову и Языкову любой приговор. Однако даже такой сценарий могущественные противники опальных гвардейцев сочли недостаточно надежным.

Ни в какой военный суд уголовное дело по обвинению Василия Иванова и Василия Языкова так и не поступило. Получив выписку и обвинительное заключение по их делу, Военная коллегия не стала издавать распоряжения об учреждении суда для его разбирательства. Вместо этого коллегия для начала направила дело для заключения генерал-аудитору (чего тогдашнее военно-процессуальное законодательство вовсе не требовало).

Генерал-аудиторское заключение, подготовленное в июне 1725 года, оказалось неожиданно благоприятным для В. И. Иванова и В. Г. Языкова. Проявив очевидную беспристрастность (хотя, очень может быть, и «рекомендованную»), генерал-аудитор Военной коллегии пришел к выводу, что из материалов дела «не явствует: 1. Чтоб чрез их [В. И. Иванова и В. Г. Языкова] преступление ея императорского величества интересу какой вред приключился. 2. Чтоб преступление от них для какой корысти или взяток учинено было. 3. К тому ж оные Языков и Иванов уже пятой год под арестом содержатца. 4. Оной Языков... подал прошение, по которому приносит вину свою и просит милосердия»⁷⁸⁰.

Вслед за этим 30 июня Военная коллегия распорядилась утвердить обвинительное заключение следственной канце-

лярии М. И. Бобрищева-Пушкина (что никак не предусматривалось действовавшим военно-процессуальным законодательством). Соответственно к обвиняемым были применены предложенные в обвинительном заключении нормы амнистических указов.

Дополнительно, уже как центральный орган военного управления, коллегия указала направить Василия Иванова и Василия Языкова для дальнейшего прохождения службы «в полки в Баку». Вынесенное решение Военная коллегия отправила на утверждение в Правительствующий сенат⁷⁸¹, что опять-таки не предусматривалось никакими актами военного законодательства.

Все отмеченные процессуальные несообразности объяснялись просто: в судьбу уголовного дела В. И. Иванова и В. Г. Языкова в очередной раз вмешались могущественные лица. Ими были входивший в руководство Военной коллегии и ставший к тому времени сенатором князь Г. Д. Юсупов, а также А. В. Макаров, сохранивший должность кабинет-секретаря и еще более усиливший свое влияние при Екатерине I. Как явствует из невестки как уцелевшего в архиве личного письма Михаила Бобрищева-Пушкина Алексею Макарову от 11 июля 1725 года, Михаил Иванович выполнял в тот момент указание кабинет-секретаря (вряд ли официальное) о подготовке нового списка обвинительного заключения, предназначенного как раз для представления в Сенат⁷⁸².

В подобном контексте не приходится удивляться, что 30 июля Правительствующий сенат без возражений утвердил решение Военной коллегии по делу В. И. Иванова и В. Г. Языкова⁷⁸³. Что характерно, полностью воспроизведя в мотивировочной части указа приведенный выше фрагмент заключения генерал-аудитора Военной коллегии.

Получив сенатский указ, Военная коллегия 10 августа распорядилась освободить наконец В. И. Иванова и В. Г. Языкова из-под стражи и, «отдав им шпаги», отправить в Баку⁷⁸⁴. Там Василию Иванову и Василию Языкову предстояло вновь оказаться под началом М. А. Матюшкина, ставшего к тому времени командующим Низовым корпусом — группировкой российских войск в Западном и Южном Прикаспии.

Однако в эпопее бывших следователей вскоре наступил очередной поворот. Никак не вдохновившись перспективой службы на южной окраине империи, В. Г. Языков подал императрице Екатерине I челобитную о смягчении

участи. Эта челобитная поступила главе государства, естественно, через А. В. Макарова.

Поскольку Василий Григорьевич на следствии дрогнул и принес упомянутое выше «извинение», Алексей Макаров доложил вопрос в благоприятном для челобитчика ключе. В итоге императрица указала «отправить его, Языкова, в киевской или в павловской гарнизон и дать ему там учеников, чтоб он артиллерийской науке обучал». Выраженное в устной форме, это высочайшее повеление было 6 сентября закреплено особым сенатским указом⁷⁸⁵.

Исполняя волю императрицы, 29 октября Военная коллегия распорядилась определить В. Г. Языкова в гарнизон города Павловска*, где «дать ему для обучения из малолетних салдацких детей». Одновременно коллегия вынесла решение о его чине: из гвардии подпоручиков он был произведен в «полевые» поручики⁷⁸⁶, что являлось очевидным компромиссом: при переводе из гвардии армейский чин присваивался на две ступени выше. А вот вопрос о Василии Иванове, проявившем на следствии неуместную стойкость, решился по-иному.

23 декабря Военная коллегия подтвердила прежнее решение о направлении В. И. Иванова в Баку. Спыхватившись, вероятнее всего с подачи Григория Юсупова, что Василий Иванович продолжал числиться в Семеновском полку, коллегия разжаловала его в армейские поручики⁷⁸⁷. 30 декабря В. И. Иванов, явившись в Военную коллегию, дал подписку, что не будет впредь именовать себя гвардии поручиком и что обязуется незамедлительно выехать к новому месту службы⁷⁸⁸.

Дальнейшие обстоятельства биографий следователей Василия Иванова и Василия Языкова остались поныне непроясненными. Не исключено, что Василий Григорьевич не худшим образом устроился в Павловске — небольшой крепости с огромным артиллерийским парком, вывезенным из возвращенного туркам в 1712 году Азова. В 1726 году в Павловске числилось 194 пушки, 260 осадных и 1455 корабельных орудий, при которых состояли 153 «артиллерских служителя»⁷⁸⁹.

Что касается Василия Ивановича, то ему с 1726 года суждено было служить в поистине гиблом месте. Болезни буквально косили солдат и офицеров Низового корпуса. До-

* Ныне административный центр одноименного района Воронежской области.

статочно сказать, что с декабря 1724-го по ноябрь 1725 года небоевые потери корпуса составили 5 тысяч 97 человек умершими (численность более чем трех полков), а с 1 июля по 1 октября 1726 года — 648 человек⁷⁹⁰.

Благополучнее сложилась последующая жизнь М. И. Бобрисцева-Пушкина, постаравшегося, насколько возможно, непредвзято провести расследование дела Василия Иванова и Василия Языкова. Прослужив командиром 5-й роты Преображенского полка до 1727 года⁷⁹¹, он был произведен в полковники и назначен командиром Тверского драгунского полка. Выйдя в 1736 году в отставку, успешно трудился на государственной гражданской службе: занимал должности главы администрации Тульской провинции, затем — Ярославской. В сентябре 1741 года удостоился чина действительного статского советника⁷⁹² (соответствовал генерал-майору в армии).

Время кончины и места погребений В. И. Иванова и В. Г. Языкова неизвестны.